

УДК 94

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ СИБИРСКОГО ХАНСТВА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРЫ (XV-XVI ВЕКА)

Упоров Иван Владимирович,
д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Аннотация

После распада ордынской империи на евразийском пространстве начался активный процесс формирования государственности на самых различных территориях, объединяемых данными судьбой общими признаками в их зачастую причудливой совокупности (культура, язык, обычаи, экономические связи и т.д.). Не всем появившимся и ставшими самостоятельными государствам суждено было существовать длительное время. Московское государство в этом процесс стало ядром, быстро набирающем мощь. Среди государств, которое функционировало сравнительно недолго – Сибирское ханство. В статье рассматриваются особенности этого территориально-публичного образования, возникшего в Западной Сибири в период, когда уже распадалась Золотая Орда и одновременно укреплялась Московия, что охватывается (XV-XVI веками). Отмечается, в частности, что Сибирское ханство не имело государствообразующего этноса, и его появление во многом носило случайный характер, при этом Сибирское ханство в итоге распалось и вошло в состав Московского государства.

Ключевые слова: Московское государство, Сибирское ханство, народ, власть, Орда, территория, общество.

STATETY OF THE SIBERIAN KHANATE: FEATURES OF FORMATION AND STRUCTURE (XV-XVI CENTURIES)

Uporov I.V.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

ABSTRACT

After the collapse of the Horde Empire in the Eurasian space, an active process of statehood formation began in the most diverse territories, united by these fates by common features in their often bizarre combination (culture, language, customs, economic ties, etc.). Not all of the states that emerged and became independent were destined to exist for a long time. The Moscow state became the core in this process, quickly gaining power. Among the states that functioned for a relatively

short time is the Siberian Khanate. The article examines the features of this territorial-public formation that emerged in Western Siberia during the period when the Golden Horde was already disintegrating and Muscovy was simultaneously strengthening, which is covered (the 15th-16th centuries). It is noted, in particular, that the Siberian Khanate did not have a state-forming ethnic group, and its appearance was largely accidental, while the Siberian Khanate eventually disintegrated and became part of the Moscow state.

Keywords: Moscow state, Siberian Khanate, people, power, Horde, territory, society.

В известный период российской истории русские княжества оказались, по сути, в вассальной зависимости от монгольской империи [2, с. 27], при этом древнерусское государство после XII в. и вплоть до XV в. по-прежнему обозначается в литературе как общее раннефеодальное государство; здесь, в частности, имеет место определенное упрощение исторического процесса развития русского государства, поскольку, например, русские княжества характеризовались неодинаковым отношением к Орде. Соответственно многие вопросы в этом контексте нуждаются в дополнительных исследованиях, в том числе государственно-правовые основы территорий, находившихся на временном стыке древнерусского и московско-централизованного государства, когда кочевое ордынское государство в силу естественно-политических причин стало себя изживать и распадаться, а Московское государство еще не окрепло и не начало свой ответный Большой поход по евразийскому пространству в восточном направлении. И в этом контексте представляет интерес публично-правовой статус территорий, которые первоначально были частью монгольского государства (Великой Орды), а затем были присоединены Московским государством в состав своих земель, и остаются таковыми в составе современной России.

Одной из таких территорий было Сибирское ханство, на котором и будет сосредоточено наше внимание. В этой связи следует заметить, что империя Чингисхана, в период правления которого (первая треть XIII в.) Великое монгольское государство («Еке Монгол улус») достигло предела своего могущества (были захвачены территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая, Тибета), представляло собой наследную монархию, но при этом власть того же Чингисхана не была абсолютной, и большое значение имел курултай. Принцип наследования единоличной центральной власти (великого хана - кагана) являлся своеобразным (власть не всегда передавалась прямым потомкам хана) и также не был абсолютным, помимо него и в совокупности с ним применялись также принцип выборности (на курултае), наместничества и назначенства [7, с. 92-93]. Действовала четкая иерархия публичного управления, где главенствовало военное направление, имела место коллективная ответственность за срыв поставленных задач на всех уровнях, и в целом, как нам представляется, именно созданная тогда эффективная система управления (в частности, деление войска на десятки, сотни, тьмы, продуманная логистика и т.д.) позволили монгольской империи расширить свои владения на огромные пространства Евразии и контролировать их в достаточно суровых климатических условиях в целом порядка двухсот лет (опять же посредством действенной системы обложения покоренных территорий данью и рекрутством). В целом соблюдалась религиозная терпимость (на разных территориях были распространены буддизм, ислам, христианство) [10, с. 75-77]. Со второй половины XIII в. монгольская империя стала постепенно терять свою мощь по следующим основным причинам: сложности сохранения устойчивого управления на обширнейшей территории с самыми разными укладами жизни, религией, экономикой ее частей; восстания местного

населения против поработителей; межклановая борьба в военно-политической властной верхушке и др. (в целом причины распада Орды сходны с распадом Римской империи).

Нужно также иметь в виду, что диалектика развития любого социального явления предполагает его начало и окончание. Сначала монгольская империя распалась на относительно крупные территории-государства (улусы), возглавляемые чингизидами, но и влияние последних в течение столетия, в результате различных организационно-государственных трансформаций, ослабевало. Соответственно улусы, в свою очередь, также стали распадаться, это относилось и к Улус Джучи (Золотой Орде), осколками которого стали Сибирское, Казанское, Крымское и Астраханское ханства, а также ряд других менее значимых территориально-публичных образований - все они позже были присоединены к России (этот процесс был постепенным, имели место различные территориально-политические трансформации, в частности, с Сибирским ханством тесно было связано более раннее Тюменское ханство [3, с. 362], но эти аспекты мы опускаем). Сибирское ханство (сибирское царство, сибирский юрт, «себер ханлыгы») охватывало территории нынешней Западной Сибири, отграниченные Уральским хребтом, границами с Пермской землей, башкирскими землями, северная часть ханства простиралась до низовий Оби, южная - по р. Омь, общая граница была также с Казанским ханством, Ногайской Ордой, Пегой Ордой. Наименование этого государства основывалось на названии пункта размещения ханской администрации - это была Сибирь (Кашлык), а административным центром были сначала Чинги-Тура (современная Тюмень Тюменской области), а позже тот самый Кашлык - на берегу Иртыша, близ современного города Тобольска. Первым правителем Сибирского ханства являлся Махмет (Махмудек).

По временным критериям Сибирское ханство существовало почти столетие - с конца XV в. до конца XVI в. Во время похода Орды на запад монголо-татары подчиняли своему влиянию проживавшие на территории Сибирского ханства такие народности, как ненцы, ханты (остяки), манси (вогулы), селькупы и др., причем это происходило, как правило, без сопротивления представителей местных народностей, что объясняется, очевидно, более низкой их социальной организацией (еще не вышедшей из родо-племенных отношений), не позволявшей создать публичные органы власти и соответствующие структуры для управления территорией проживания, включая ее защиту от внешних посягательств. При этом немалая часть монголо-татар оседала, происходила обычная в таких ситуациях ассимиляция (смещение башкир, аргынов, канглов, карлуков, найманов, кыпчаков и других тюркоязычных племен), длившаяся длительный период, в результате к концу XV в. сформировался своеобразный этнос в виде сибирских татар.

Население ханства занималось традиционной для этих мест деятельностью, характерной для того времени: кочевое скотоводство, охотничий и рыбный промысел, заготовка пушнины; к концу существования Сибирского ханства стало развиваться земледелие и появляться зачатки промышленности - по соглашению с Московским государством и его усилиями (Московия уже имела соответствующий опыт на своей северо-зауральской территории, доставшейся еще от Великого Новгорода). Политическое устройство Сибирского ханства не могло не нести в себе следы предшествовавших монгольской империи и Золотой Орды. Соответственно действовала феодальная властная элита во главе с ханом (монархом), который определялся, как правило, по воле действовавшего правителя этого государства; вместе с тем происходили дворцовые перевороты. Высшее положение в Сибирском ханстве занимали Махмет (1496-1530 гг.), братья Бек-Булат и Едигер (1530-1550 гг.), Едигер (1552-1563 гг.), династия Шейбанидов (1563-1604 гг.), Кучум (1563-1598 г.), Алей (1598-1604 гг.), представлявшие одну из ветвей династии Шейбанидов [4, с. 127; 12, с. 685-686]. Территориально Сибирское ханство разделялось на части (улусы) во главе с наместниками и с центрами в укрепленных

городках (мурзы, беки, тайбуги, тарханы и др.), чаще всего из правящего рода, которые вместе со своим окружением представляли собой кочевую аристократию, управлявшую остальными, «черными», людьми, проживавшими как в этих городках, так и в юртах – других населенных пунктах улуса (общей численностью более пятидесяти), при этом между поселениями имелась надежная сеть путей сообщения [6, с. 114]. Улусы не имели взаимных экономических связей и замыкались на верховную власть. Население ханства достигало, по разным оценкам, от сорока до ста тысяч человек (во второй половине XVI в.).

Территориальное деление осуществлялось как по границам племенных поселений с назначением представителя племени во главе юрта, так и по административному принципу, когда определенный юрт отдавался в правление приближенному хана [4, с. 126]. По своему статусу, на наш взгляд, Сибирское ханство представляло собой нечто среднее между раннефеодальной монархией и централизованным государством, о чем могут свидетельствовать, в частности, широкие полномочия наместников – с одной стороны, и отсутствие постоянных центральных органов управления с реальными рычагами по своему ведомству на местах – с другой стороны. Наличие у наместников управляемых ими вооруженных формирований создавало условия для междоусобных конфликтов, что некоторым образом ослабляло общеханское государство. Этому способствовали и определенные политические амбиции местной родовой знати, не желавшей отдавать центральной власти много полномочий и следовать единоханской системе управления, что осложняло публично-властные отношения, и особенно это имело место после прихода к власти Кучума (потомка чингизидов), которого многие представители местной аристократии считали чужаком, не заслуживавшим ханской власти, убийцей местных князей.

Высшую администрацию (диван) в период Сибирского ханства составляли ставленники хана, имевшие необходимые профессиональные качества. К ним относились в частности, «базарский князь», выполнявший задания во внешнеполитической сфере. Как и в любом государстве, важная роль отводилась даругам – сборщикам налогов. Особое место занимала военная элита – в силу военно-политического устройства самого сибирского государства. Совершенно очевидно, что в Сибирском ханстве действовали определенные правовые нормы, однако специфика правовых институтов заключалась в том, что отсутствовали писанные законы, и право основывалось прежде на нормах обычаев, при этом источником таких обычаев являлись решения монарха (хана), закрепляемые в правоприменительной практике. В целом признаки государства, являющиеся общепризнанными в современной теории государства и права, у Сибирского ханства имелись (территория, население, органы публичной власти, суверенитет, вооруженные силы, налоговая система и др.). Вместе с тем Сибирское ханство как государство имело свою специфику, которая в настоящее время нигде не наблюдается, и которая обуславливалась происхождением данного государства и связанной с этим обстоятельством динамикой его развития.

Прежде всего в этом контексте следует указать на временность данного государства. Мы полагаем, что временность изначально закладывалась в монгольской империи тем, что отсутствовал территориально-публичный базис с государствообразующим этносом. Если бы, например, чисто гипотетически, у монголов имелось достаточно организованное коренное население на своей родине, где бы концентрировалась высшая власть и управления, и в которое конвертировались бы все получаемые выгоды от территориальных завоеваний, включая строительство крупных городов, развитие в них ремесел, использование дешевого труда пленников и т.д., то, вероятно, события развивались по иному сценарию. Однако, насколько нам известно, территория-родина монголов в лице проживавшего там населения не получала каких-либо существенных дивидендов от

результатов Большого похода монгольской империи на запад. Более того, места дислокации высшей власти территориально менялись, что, собственно, и дало основание для определения монгольской империи как государства кочевого типа. И вот такая матрица была наложена на Сибирское ханство, где вообще не было государствообразующего коренного населения как такового.

А между тем, согласно теории государства, органы публичной власти должны в той или иной степени отражать и защищать интересы жителей (подданных) государства, независимо от их сословного положения. Однако для ханской верхушки и аристократической знати большинство жителей Сибирского ханства были чужими, то есть, по сути, имел место оккупационный режим, который по определению был обречен на временное существование. И не случайно немало жителей ханства, включая сибирских татар, при первой же возможности отказались от этого государства, в частности, как отмечается в литературе, «буквально с первых месяцев похода Ермака, начавшегося в 1581 г., часть татар примкнула к его отряду. А после первого разгрома Кучума татары не только приняли подданство Российского государства, но многие из них стали на военную службу – образовалась сословная группа служилых сибирских татар. Отряд конных татар принимал участие в военных действиях русских против Кучума, в том числе и в последнем его разгроме в 1598 г.» [13, с. 87]. С этим фактором связана другая особенность Сибирского ханства – искусственность его создания, поскольку при распаде Золотой Орды (равно как до этого при распаде общемонгольской империи) ее территория определялась не естественным образом, исходя из районов проживания народов, причастных к формированию этого государства, сложившихся на этой территории традиций и т.д., а сугубо административно-военным путем, исходя из имевшихся у властной элиты ресурсов поддерживать свои порядки, и когда эти ресурсы стали уменьшаться, то и суверенитет Сибирского ханства стал ослабевать.

Очевидно, имел значение и уровень интеллектуально-научного и технического развития монголов как народа: так, воины-монголы, безусловно, умели воевать, иначе бы не был совершен Большой поход на запад, но при этом на протяжении едва ли не всей своей западной кампании акцент они делали на конные армии, луки, стрелы, копья и холодное оружие (ножи, сабли, топоры), основываясь на ловкости и физической силе воинов. В этой связи в литературе А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров описывают и фиксируют уникальное явление – во время военных сражений монголы не принимали на вооружение появившееся огнестрельное оружие, несмотря на его, казалось, бы большую эффективность, и даже при том, что они захватывали оружейные трофеи, а на контролируемых ими территориях имелись мастерские (заводы) по изготовлению этого оружия, то есть, это оружие было буквально в их руках, но так и не оказалось востребованным; в частности, авторы отмечают, что «традиционные экономика, военная наука, культура, мировоззрение населения этого государства не приняли новацию в виде огнестрельного оружия» [5, с. 109].

И этот факт дает основания для предположения, что тогдашние монголы представляли собой некую находившуюся в затухающей фазе переходную группу между неандертальцами и сапиенсами-кроманьонцами (*homo sapiens*); относительно низкий уровень развития современной Монголии некоторым образом, на наш взгляд, подтверждает эту гипотезу (мы совершенно не имеем в виду при этом принизить монгольский народ, равно и любой другой, а лишь высказываем версии в рамках научной дискуссии). Наложение указанных и других факторов предопределило неизбежный распад Сибирского ханства, совпавший, по хронологии, с укреплением (за счет централизации) Московского государства, которое, в отличие от монголов, имело коренных жителей, чтило традиции и вполне воспринимало от Европы новейшие технические достижения, во всяком случае, в оружейном деле. Правящая элита русского общества имела определенные

представления об истории своего государства, его целях, жители Московии с полным основанием считали свою землю родиной, отечеством.

В целом, таким образом, политический, социально-этнический и организационно-государственный базис Московии к середине XVI в. уже был заметно мощнее ордынского, о чем свидетельствовало, в частности, создание письменного системного законодательства (в лице прежде всего Судебника 1550 г.). Вместе с тем вряд ли можно отрицать ордынское влияние на менталитет русского народа в течение более чем двухсот лет. В этом контексте в литературе отмечается, что «влияние одной государственности на другую всегда было и остается многослойным, сложносоставным и нередко опосредованным. За европейским и византийским влиянием на Русь прослеживается наследие «Первого Рима», а за ними - более древних государств Греции, Северной Африки и Передней Азии. А тюрко-монгольская и собственно тюркская государственность, в том числе Золотая Орда, как известно, впитали в себя многие компоненты китайской (буддистской и конфуцианской) и арабо-персидской (мусульманской) идеологий и практик» [8, с. 93]. Вероятно, как раз от монголов вошло в психологию русского народа стремление к расширению своих территорий, а также использование во внешнеполитических делах разного рода военных и дипломатических хитростей. В совокупности с заимствованной европейской технической культурой это позволило сформировать уникальный русский этнос в рамках Русского (Московского) государства, и совершить Большой поход на восток (возможно, опять же, в виде гипотезы, как своеобразное возмездие за длительное унижение перед Ордой), практически по тому же евразийскому маршруту, что когда-то сделала монгольская империя, и в длительном процессе этого похода уже не русские княжества платили дань, а монголо-татарские ханства платили Московии (в этом смысле возмездие состоялось, и сейчас Россия – мировая держава, чего нельзя сказать о той же Монголии).

Сибирский хан Едигер, вероятно, первым из правящей элиты Сибирского ханства понял, что ситуация коренным образом изменилась, и после падения Казанского ханства предпринял меры по налаживанию своих вассальных отношений с Московским государством-сюзереном (ханское посольство в Москву в 1555 г.). Предпринятые позже попытки хана Кучума возродить Сибирское ханство во второй половине XVI в. лишь подтвердили общую тенденцию ослабления Сибирского ханства, о чем свидетельствует, в частности, вызывающее у историков недоумение крупное поражение в начале 1580-х гг. ханского войска, многократно превосходящего по численному противостоящих ему нескольких казачьих отрядов Ермака [9; 14]. Здесь же нужно заметить, что подчинение Сибирского ханства Московскому государству осуществлялось без какой-либо коренной ломки административных институтов, поскольку «системы государственного управления в Сибирском ханстве и Московском царстве были настолько близки, что, присоединяя обширные территории Зауралья, московские цари просто «перевели» на себя ясак, уплачиваемый ранее сибирским ханам» [1, с. 51].

Об этом же, по сути, пишет и С.А. Чернышов: «Успешная интеграция Сибирского ханства в русское государство обеспечивалась схожестью политических традиций и особенностей их государственного устройства. Русские не предложили аборигенам Западной Сибири фактически никакого нового цивилизационного проекта, ограничившись как фактическим, так и идеологическим оформлением преемственности власти московских царей по отношению к сибирским ханам» [15, с. 143]. Сюзерено-вассальные отношения Московии и Сибирского ханства длились около полувека и представляли собой, скорее, разновидность конфедерации, поскольку Сибирское ханство уже не могло не вписываться в экономические и иные отношения Московского государства, еще сохраняя при этом некоторую самостоятельность. Однако в начале XVII в. такая конфедеративность в условиях усиливавшейся вертикализации властных отношений в

Московском государстве входила в противоречие со складывавшимися реалиями, стало тормозить сибирскую политику Москвы, что предопределило финал: государственность Сибирского ханства окончательно растворилась в административно-управленческом аппарате Московского государства, оставшись в истории как временное, искусственное и во многом случайное государство, оказавшееся на обломках Золотой Орды в качестве переходного территориально-публичного образования в Западной Сибири перед присоединением к Московскому государству.

Список литературы:

1. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды: в 4 т. М.: Наука, 1955. Т.3. Ч.2. С. 49-85.
2. Иньков С.В. Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII-XV вв.: историко-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 202 с.
3. Маслюженко Д.Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 360-368.
4. Маслюженко Д.Н. Состав и функции властной элиты Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Пермского ун-та. Серия: «История». 2017. Вып. 2 (37). С. 122-131.
5. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство и огнестрельное оружие // Вестник Омского ун-та. Серия: «Историч. науки». 2016. № 4 (12). С. 105-110.
6. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1. С. 112-117.
7. Митин В.В. Курултай 1235 г. и стратегия завоевательных походов монголов // Псковский военно-исторический вестник. Вып. 3. Псков, 2017. С. 90-96.
8. Российская империя: от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / Аксенов А. И., Бекмаханова Н. Е., Водарский Я. Е. ... Федосова Э.П.; редкол.: Аксенов А. И. и др.; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Русская панорама, 2011. 877 с.
9. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 253 с.
10. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. 216 с.
11. Соловьев С.М. Сочинения. Книга 1. Тома 1-2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 798 с.
12. Сычев Н.В. Книга династий. М. АСТ: Восток-Азапж, 2008. 959 с.
13. Томилов Н. Сибирские татары // Прииртышье мое. Омск, 1990. Ч. II. С. 87-88.
14. Трепавлов В. В. «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань: Ихлас, 2011. С.141-154.
15. Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI-XVII вв. // Идеи и идеалы. 2018. № 2. С. 139-152.
16. Шлецер А.Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке / Сличенные, переведенные и объясненные. В 3 ч. Ч.1 / Перевод Дм. Языкова. СПб.: Императ. типогр, 1809. 706 с.

References:

1. Bakhrushin S.V. Yasak in Siberia // Bakhrushin S.V. Scientific works: in 4 volumes. Moscow: Nauka, 1955. Vol.3. Part 2. Pp. 49-85.
2. Inkov S.V. Political and legal foundations for the formation of a single Russian state in the 13th-15th centuries: historical and legal aspect: diss. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2010. 202 p.
3. Maslyuzhenko D.N. Symbols of power in sources on the history of the Tyumen Khanate // Golden Horde Review. 2016. Vol. 4. No. 2. Pp. 360-368.
4. Maslyuzhenko D.N. Composition and functions of the ruling elite of the Tyumen and Siberian khanates // Bulletin of Perm University. Series: "History". 2017. Issue 2 (37). P. 122-131.
5. Matveyev AV, Tataurov SF The Siberian Khanate and firearms // Bulletin of Omsk University. Series: "Historical sciences". 2016. No. 4 (12). P. 105-110.
6. Matveyev AV, Tataurov SF The Siberian Khanate of Tsar Kuchum. Some issues of state structure // Medieval Turkic-Tatar states. 2009. No. 1. P. 112-117.
7. Mitin VV Kurultai of 1235 and the strategy of the Mongol conquests // Pskov Military Historical Bulletin. Vol. 3. Pskov, 2017. pp. 90-96.
8. Russian Empire: from its origins to the beginning of the 19th century: essays on socio-political and economic history / Aksenov A. I., Bekmakhanova N. E., Vodarsky Ya. E. ... Fedosova E. P.; Editorial Board: Aksenov A.I. et al.; Russian academician Sciences, Institute of Russian History. M.: Russian Panorama, 2011. 877 p.
9. Skrynnikov R. G. Siberian expedition of Ermak. Novosibirsk: Nauka, 1982. 253 p.
10. Skrynnikova T.D. Charisma and power in the era of Genghis Khan. M.: Vostochnaya literatura, 1997. 216 p.
11. Soloviev S. M. Works. Book 1. Volumes 1-2 / Responsible. editors I. D. Kovalchenko, S. S. Dmitriev. M.: Mysl, 1988. 798 p.
12. Sychev N. V. Book of dynasties. M. AST: Vostok-Azapazh, 2008. 959 p.
13. Tomilov N. Siberian Tatars // My Irtysh region. Omsk, 1990. Part II. Pp. 87-88.
14. Trepavlov V. V. "Cossacks" of the Kuchumovichs: life in wanderings // Medieval Turkic-Tatar states. Issue. 2. Kazan: Ikhlas, 2011. P.141-154.
15. Chernyshov S.A. Turkic political traditions in the system of organization of power of the Russian state and the Siberian Khanate as a factor in their successful integration in the 16th-17th centuries // Ideas and ideals. 2018. No. 2. P.139-152.
16. Schlozer A.L. Nestor: Russian chronicles in the Old Slavonic language / Collated, translated and explained. In 3 parts. Part 1 / Translation by Dm. Yazykov. SPb .: Imperial printing house, 1809. 706 p.